

XVI $\frac{35}{10}$

1908 ~ 18, 20-24

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 18

1 Октября.

**ОРТОПЕДІЯ
и БАНДАЖИ**

Г. ШВАРТЦЕ,

бандажистъ и специалистъ по ортопедич. механикѣ.

Москва, Маросейка (№ 15), д. Тушиной. ☎ Телефонъ 98-20.

**МАГАЗИНЪ, МАСТЕРСКІЯ
и КАБИНЕТЫ ДЛЯ ПРИМѢРКИ.**

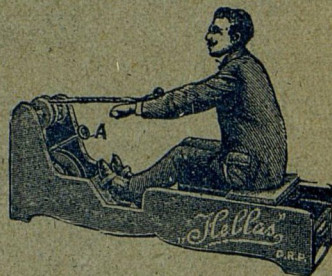
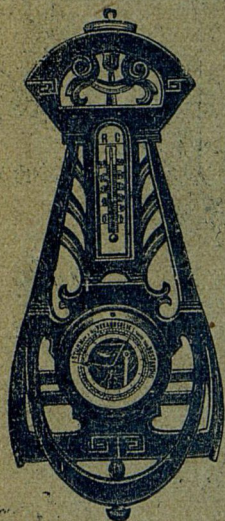
Къ услугамъ дамъ имѣется опытная женская особа.

Искусственныя ноги, руки. Ортопедическіе аппараты новой системы, какъ-то корсеты и шины (Hessing-Hoffa). Бандажи для грыжъ и бандажи брюшныя всевозможныхъ системъ. Слуховыя трубы. Резиновыя чулки. Новѣйшіе аппараты для домашней гимнастики отъ 2 руб. до 125 руб.

Разныя франц. и гигиеническія вещи.

БАРОМЕТРЫ отъ 5—25 руб.

ГРАДУСНИКИ.

ШОКОЛАДЪ

! ЭЙНЕМЪ !

**СКЛАДЫ
ЮНСДОРФСКИХЪ**
и др. жернововъ и

ТОЧИЛЪ.

„ПЕРФЕКТЪ“

мельницы для размолу всѣхъ существ.
безъ исключенія — продуктовъ.

ТУРБИНЫ, МЕЛЬНИЦЫ, ПЛОТИНЫ И ПРОЧ.

Контора инж. П. И. Фогель,
Москва, Мясницкая, № 40.

**ПЕЙТЕ ЧАЙ
ЦАРСКАЯ**

РОЗА!

Царская роза Ненчао самый знаменитый китайский чай. Царская роза ароматиченъ какъ цвѣтокъ и чрезвычайно вкусенъ. Царская роза выращенъ изъ сѣмянъ высочайшихъ лянсиновъ, почему онъ полезенъ для здоровья и благотворно дѣйствуетъ на нервы. Мы находимъ, что для ежедневнаго домашняго употребленія нѣтъ лучше, нѣтъ пріятнѣе и выгоднѣе чая Царской розы. И цѣна ему всѣмъ доступная. На пробу можно выписать всего 1 ф. этого чая. Пробный фунтъ высылается за 1 р. 85 к., 3 ф. за 5 р. 25 к., а 5 ф. за 8 р. 45 к., съ пересылкой за нашъ счетъ.

Адресъ: **МОСКВА, Покровка, 55.**
Склады **И. Е. ДУБИНИНА.**
чаевъ

Подробный прейсъ-курантъ по требованію высылается бесплатно.

Фирма наша никакихъ

отдѣленій не имѣтъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Братья Павелъ и Федоръ Марковы

МОСКВА, Никольская, Черкасскій пер., Общественный дворъ, № 5.

Телефонъ № 47-21.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Бриллиантовыми, Золотыми и Серебрянными издѣліями

ЗОЛОТОМЪ и СЕРЕБРОМЪ въ СЛИТКАХЪ и ЛИСТАХЪ.

— Часы „ОМЕГА“ —

ПОКУПАЕМЪ ЗОЛОТО И СЕРЕБРО ВО ВСѢХЪ ВИДАХЪ.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ:

— МОСКВА, АФИНЕРЪ.

Просимъ не смѣшивать

съ нашими однофамильцами.

Какъ мнѣ научиться рисовать?

УРОКИ РИСОВАНІЯ ДЛЯ ШКОЛЫ И ДОМА

— I. ВАНЪ-ДАЙКА. —

Издание журнала „Дѣтскій Міръ“

15 выпусковъ по цѣнѣ 15 коп. съ пересылкой 17 коп.

вышли въ свѣтъ выпуски 1—5.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ

Керосино-Калильная горѣлка на свѣтъ,

у которой приспособленіе для установки фитиля никогда не можетъ быть вставлено неправильно, называется

„ГУНДСЪ“

САМОЕ ЛУЧШЕЕ

ВСЕГДА

САМОЕ ДЕШЕВОЕ!

Германскій Государственный патентъ. — 9 иностранныхъ патентовъ.

Свѣтовая сила 80—90 свѣчей. Количество потребляемаго керосина 50 гр. въ часъ.

„ГУНДСЪ“

ЕДИНСТВЕННАЯ КЕРОСИНО-КАЛИЛЬНАЯ ГОРѢЛКА НА СВѢТѢ, которую можно оставить послѣ зажиганія безъ присмотра и которая тѣмъ не менѣе не коптитъ!

Магазинъ газо-керосино и спирто-калильного освѣщенія

и стока въсѣхъ системъ.

Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер.,
д. Рахманова.

Ф. Ф. Зотовъ.

ТЕЛЕФОНЪ № 124-32.

„Лоденъ“

— Настоящія Баварскія

НЕПРОМОКАЕМЫЯ

Шерстяныя Матеріи, Накидки и проч.

Самое цѣлесообразное гигиеническое верхнее платье для всѣхъ.

Прочно, Изящно и Дешево.

П. Б. ПАЛЬМЪ,

Москва, Мясницкая ул., Милютин-
скій пер., № 4. Телефонъ № 112-83.

ПЕТРЪ
БЕЛИКІЙ!

М. И. И.

МАНДЛЬ

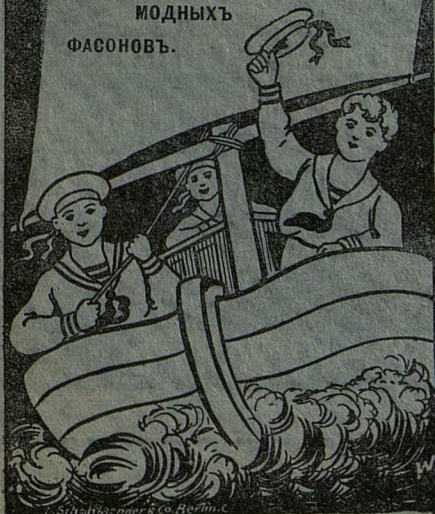
МОСКВА

1. Софійка.
2. Тверская.
3. Петровка.

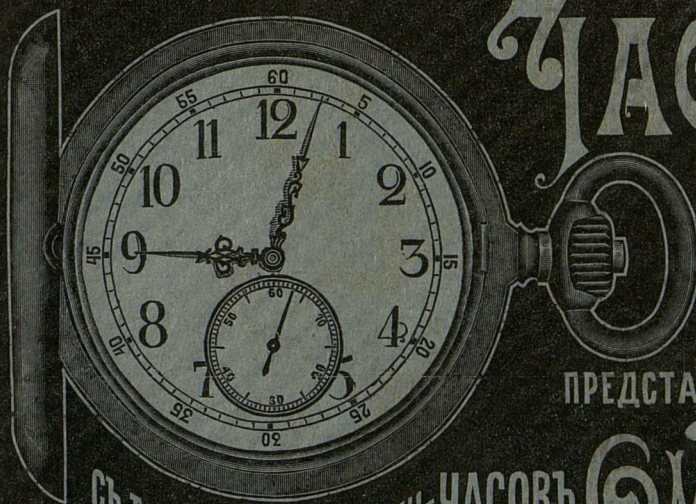
Кіевъ, = С.-Петербургъ,
= Ярославль, =
Ростовъ н/Д., = Баку

Дѣтскіе наряды

ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ
И ДѢВОЧЕКЪ
МОДНЫХЪ
ФАСОНОВЪ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
М.П.КАЛАШНИКОВЪ и СЫНЬ

ЧАСЫ

ПЕРВОКЛАСНЫХЪ
ФАБРИКЪ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

СЪ ТОЧНОСТЮ ВЫВЕРЕНН- ЧАСОВЪ „ОМЕГА“

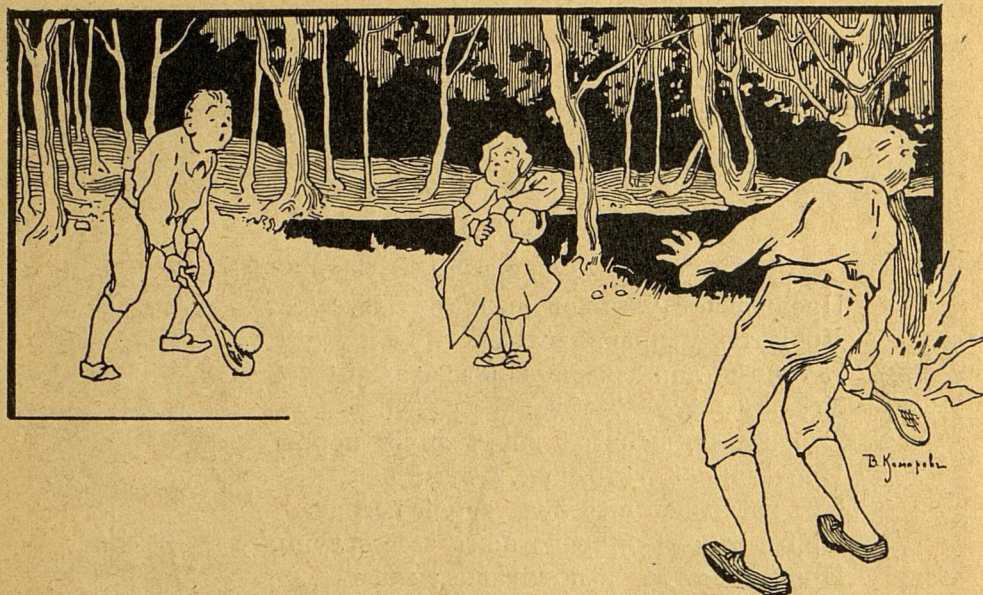
И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СТОЛОВЫЕ И СТѢННЫЕ,
ВСѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ

Г. ЧАСОВЩИКОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, Д. КУПЕЧЕСКАГО ОВА

ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Б. П. СЕРКЕ

Атлантида

1908

№ 18. 1 Сентября.

Содержаніе: Стихотвореніе. *Вашкова*. — Въ глубь вѣковъ. *П. Джунковскаго*. (Продолженіе). — Какъ Дуся и Таля жили у моря. *Т. Щепкиной-Куперникъ*. (Продолженіе слѣдуетъ). — Вереница журавлей. *Леонида Мищенко*. — Между дѣломъ: Свѣтъ и тѣни. — Рисунки для вышиванія.

* *
*

Прощальной улыбкой на небѣ сіяя,
Дрожить, умирая, закатъ...
И старыя липы, вершиной качая,
Угрюмую думу таятъ...
И, кажется, шепчутъ другъ другу порою
Про знойное лѣто, про чудные сны,
Что грезились имъ лучезарной весною
При нѣжномъ и трепетномъ свѣтѣ луны.
Промчалось лѣто, промчалось счастье,
Надежды угасли съ сіяньемъ лучей...
Вокругъ такъ пустынно и сумракъ ненастья,
Какъ саванъ нависъ надъ просторомъ полей.
Лишь вѣтеръ, порой тишину нарушая,
Со свистомъ несется, отвагой объять...
И желтые листья, какъ слезы, роняя,
Унылыя липы печально стоятъ.

Е. Вашковъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственныя приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— Ну, ужъ я не знаю, за кого почитается ураганъ у этого народа, — весело сказалъ Бруно, — но для нашего будущаго плота онъ поработалъ сегодня ночью, какъ простой поденщикъ, и если теперь утомился и прилегъ гдѣ-нибудь отдохнуть, то я считаю, что онъ имѣетъ на это полное право.

— Совершенно справедливо, — подтвердилъ Ганцъ, — и я только прибавлю къ этому, что намъ слѣдуетъ взять примѣромъ его энергію и поторопиться со своей переправой. Послѣ сегодняшняго открытія дяди Карла касательно вѣрованій этихъ людей, я склоненъ думать, что положеніе наше среди нихъ, пожалуй, вовсе не такъ безопасно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

— Неужели же ты серьезно беспокоишься по этому поводу?

— И даже очень серьезно! Развѣ ты не видѣлъ какъ сильна ихъ вѣра, а вѣдь, чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ большія жертвы способны они принести на алтарь своего божества. Конечно, съ ихъ точки зрѣнія быть изжареннымъ во славу какого-нибудь урагана, можетъ быть считается большимъ счастьемъ, но я увѣренъ, что нашъ философъ Іоганъ держится на этотъ счетъ совершенно иныхъ взглядовъ, а кто изъ нихъ правъ, предоставляю рѣшить тебѣ.

— Ну, я несовсѣмъ съ тобою согласенъ, — отвѣчалъ Бруно, — конечно я не стану возражать противъ твоего желанія поскорѣе построить плотъ и переплыть этотъ досад-

ный Рубиконъ, — но рѣшительно убѣжденъ въ томъ, что мѣстные жители настолько незлобивы, что опасаться ихъ намъ совершенно нечего. Впрочемъ, мы, вѣроятно, сегодня же убѣдимся насколько я правъ, такъ какъ намъ должно быть представится случай ближе познакомиться съ ихъ религіей, которая такъ пугаетъ всѣхъ васъ. А пока пойдемъ-ка завтракать, такъ какъ я чувствую, что мой аппетитъ разгорается не на шутку.

Возвратившись въ пещеру, братья застали Иогана по-прежнему погруженнымъ въ изученіе доисторической кухни, а дядю Карла—занятымъ бесѣдой со старикомъ. Все общество продолжало находиться въ праздничномъ настроеніи духа, которое какъ-то невольно передавалось и нашимъ европейцамъ.

У всѣхъ костровъ что-нибудь жарили или пекли и отъ этой стряпни по пещерѣ распространялся уже своеобразный, нелишенный пріятности, ароматъ. На всѣхъ лицахъ видно было ожиданіе удовольствія полакомиться вкусными блюдами, которыхъ эти люди были лишены, вѣроятно, довольно долго.

Наконецъ, старикъ, прервавъ свой разговоръ съ ученымъ, вытащилъ изъ горячей золы дымящійся кусокъ того самага корня, который въ сыромъ видѣ такъ не понравился Иогану и затѣмъ, немного возвысивъ свой голосъ, онъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ со слѣдующими словами.

— Слушайте, что я хочу вамъ сказать! Всѣ вы знаете, что послѣдній „большой дождь“ погасилъ у насъ весь нашъ огонь и его не было у насъ до этого дня. Сдѣлалъ это „Большой Дождь, можетъ быть, потому, что былъ сердитъ на какого-нибудь человѣка. Но сегодня ночью Ураганъ былъ здѣсь съ огнемъ и водою. Сегодня ночью я стоялъ передъ нимъ и близко слышалъ его страшный голосъ. Я просилъ

его, чтобы онъ прошелъ, не сдѣлавъ вреда, и чтобы онъ далъ намъ своего огня. Въ эту ночь онъ былъ добръ, и вотъ корень, который сегодня будетъ для насъ вкусной пищей и который вчера мы не могли еще ѣсть, потому что у насъ не было огня. Я хочу сказать вамъ, люди, что намъ слѣдуетъ дѣлать пріятное Урагану и не сердить „Большого Дождя“, чтобы онъ еще разъ не погасилъ нашего огня.

Вѣроятно рѣчь эта по тѣмъ временамъ была образцомъ ораторскаго искусства, потому что по окончаніи ея отовсюду послышался общій ропотъ одобренія, а затѣмъ всѣ съ оживленіемъ принялись за ранній завтракъ, который послѣ долгаго промежутка времени былъ приготовленъ на этотъ разъ при помощи огня, благодаря чему появился цѣлый рядъ печеныхъ плодовъ, кореньевъ и корнеплодовъ, приправленныхъ разными травами, что въ общемъ составляло очень своеобразный столъ, нелишенный, впрочемъ, нѣкоторой пріятности, въ чемъ сознался даже взыскательный Іоганъ.

Между тѣмъ маленькая рѣчь старика снова пробудила въ душѣ профессора Курца опасенія по поводу вѣрованій первобытнаго человѣка, а потому онъ и приступилъ къ осторожнымъ разспросамъ по этому предмету.

— Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы живемъ, — сказалъ онъ, — совсѣмъ нѣтъ урагана и мы не знаемъ что это такое.

— Нѣтъ урагана, — удивился старикъ, — можетъ быть ваше мѣсто далеко и ураганъ не знаетъ его.

— А гдѣ же онъ живетъ и часто ли приходитъ сюда, — спросилъ Курцъ.

— Гдѣ онъ живетъ! Этого никто не знаетъ. Давно уже, очень давно сталъ приходитъ сюда ураганъ. Никто никогда не могъ еще увидѣть его, но всѣ мы слышимъ, когда онъ идетъ по землѣ, гремитъ своимъ страшнымъ голосомъ и

бросаетъ свои страшные, огненные камни въ тѣхъ, кого хочетъ убить. Мы не знаемъ за что онъ убиваетъ насъ, но когда онъ бываетъ здѣсь, мы всегда просимъ, чтобы онъ этого не дѣлалъ, и бываетъ, что онъ уходитъ, не тронувъ никого изъ насъ. Иногда онъ разрушаетъ наши жилища, срываетъ плоды, которые мы ѣдимъ, ломаетъ деревья... О! онъ очень, очень страшенъ. Мы не знаемъ за что онъ приходитъ въ гнѣвъ и не знаемъ чѣмъ его можно успокоить, но мы пробуемъ давать ему наши плоды. Одинъ разъ они остаются нетронутыми, а другой разъ онъ беретъ ихъ себѣ. Вотъ какъ мы узнали это.

Давно уже, очень давно, жилъ здѣсь одинъ человѣкъ. Пошелъ онъ разъ за плодами далеко, далеко отъ своего жилища и вотъ почувялъ, что скоро придетъ въ то мѣсто ураганъ. Очень онъ испугался, потому что былъ одинъ и такъ сталъ говорить урагану: „вотъ всѣ мои плоды; не трогай меня, страшный ураганъ, и возьми все это себѣ“. Потомъ человѣкъ этотъ положилъ свои плоды на землю, а самъ зарылся въ песокъ, потому что очень боялся, а ночью пришелъ ураганъ и человѣкъ этотъ говорилъ, что никогда еще не слыхалъ его такимъ страшнымъ! Въ ту ночь онъ столько бросилъ на землю своихъ огненныхъ камней, что человѣкъ тотъ видѣлъ все даже съ закрытыми глазами. И вотъ увидѣлъ онъ, какъ сверху опустилась большая рука, огненные камни посыпались какъ дождь, ураганъ завылъ, загрохоталъ, схватилъ плоды вмѣстѣ съ пескомъ, на которомъ они лежали, поднялъ все это вверхъ и унесъ съ собою, а его не тронулъ.

Вернулся онъ домой и рассказалъ все это другимъ людямъ. Вотъ теперь всѣ и знаютъ, что если человѣкъ дастъ урагану плодовъ, то онъ можетъ быть и не убьетъ его.

Едва только старикъ успѣлъ произнести послѣднія слова,

какъ второй сынъ хозяина нашихъ европейцевъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, словно припомнивъ нѣчто, имѣвшее необыкновенную важность.

— Вчера, — торопливо заговорилъ онъ, — моя сестра тоже положила плоды для урагана! Я тоже ходилъ съ нею и знаю, гдѣ они должны лежать.

— Ахъ да, я это сдѣлала, — подтвердила дѣвочка, всплескивая руками и только теперь припоминая свою затѣю, которая до сихъ поръ казалась ей лишь забавой.

Это неожиданное сообщеніе вызвало среди туземцевъ живѣйшій интересъ и всѣ, во главѣ со старикомъ, предводительствуемые дѣвочкой и ея братомъ поспѣшили изъ пещеры, сгорая желаніемъ поскорѣе узнать судьбу этого жертвоприношенія. Конечно, наши друзья отправились также вмѣстѣ съ другими.

Но Іоганъ нѣсколько задержалъ Ганца и трясущимися отъ страха губами прошепталъ, обращаясь къ нему, по-нѣмецки.

— Ахъ дорогой Ганцъ, Боже мой, что же намъ теперь дѣлать!

— Какъ что дѣлать! — воскликнулъ удивленный молодой человѣкъ, — да что это съ вами творится, Іоганъ, вы блѣдны, какъ полотно.

— Ради Бога, тише! Охъ, я долженъ сообщить вамъ ужасную, роковую тайну!

— Да говорите скорѣе въ чемъ дѣло — съ безпокойствомъ уже спросилъ Ганцъ.

— Охъ, г. Ганцъ, я долженъ вамъ признаться, что вчера вечеромъ я съѣлъ это жертвоприношеніе.

— Вы его съѣли, несчастный.

— Да, я его съѣлъ, несчастный, — жалобно отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ смотрите же, ни слова объ этомъ! Что бы вы ни услышали, вы должны быть нѣмы, какъ рыба, иначе вашъ ужинъ можетъ обойтись очень не дешево.

— О, будьте увѣрены, что если мое спасеніе зависитъ только отъ молчанія, то я скорѣе откушу себѣ языкъ, чѣмъ вымолвлю хоть одно слово. Но все-таки клянусь вамъ, что я и не думалъ кощунствовать, такъ какъ и не подозрѣвалъ назначенія этихъ плодовъ. О, Боже мой! что за ужасная страна, что за ужасная религія!..

Между тѣмъ всѣ вышли уже изъ своего временнаго пріюта, а вмѣстѣ съ другими Ганцъ вывелъ и трепещущаго Іогана.

Ночь уже миновала, и когда приступили къ поискамъ фруктовъ, то недостатка въ свѣтѣ не было.

— Вотъ то мѣсто, гдѣ вчера сестра положила плоды для урагана,—вскричалъ мальчикъ, подбѣгая къ очень замѣтному выступу скалы.

— Да, да, но плодовъ здѣсь уже нѣтъ. — прошептала дѣвочка, со страхомъ прижимаясь къ своей матери, — къ этому неизмѣнному убѣжищу дѣтей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

— Да, ихъ нѣтъ здѣсь, — торжественно проговорилъ старикъ,—нѣтъ потому, что вчера ночью они взяты отсюда страшнымъ ураганомъ. Такъ вотъ почему я слышалъ его голосъ такъ близко отъ пещеры,—добавилъ онъ, обращаясь къ остальнымъ.

Задумчиво стояла пораженная толпа этихъ наивныхъ дѣтей первобытной природы, окруживъ маленькую героиню событія и, почемъ знать, можетъ быть въ душѣ благодаря ее за избавленіе отъ грозной опасности минувшей ночи. Во всякомъ случаѣ, старикъ, вѣроятно, высказалъ общую мысль,

когда, подойдя къ дѣвочкѣ, произнесъ, ласково погладивъ ее по кудрявой головкѣ.

— Ты сдѣлала хорошо, очень хорошо, — можетъ быть за эти плоды ураганъ не тронулъ никого изъ насъ.

На этотъ разъ никто изъ нашихъ друзей не рѣшился уже сдѣлать какого-либо замѣчанія по поводу всего случившагося и особенно почтительнымъ казался Іоганъ, — еще бы, таинственный богъ, принявшій эту жертву, былъ слишкомъ грозенъ, а поклонники его могли оказаться слишкомъ ревностными почитателями, слѣдовательно, при такихъ условіяхъ благоразумнѣе всего было бы молчать.

Впрочемъ, профессоръ Курцъ все же не могъ воздержаться, чтобы не высказать товарищамъ своего мнѣнія по поводу этого случая, тѣмъ болѣе, что всѣ четверо стояли нѣсколько поодаль отъ другихъ и не привлекали къ себѣ ничего вниманія.

— Вотъ вамъ, господа, примѣръ того, какъ въ древности слагались вѣрованія человѣка. Теперь эти люди, конечно, глубоко убѣждены не только въ томъ, что ураганъ — живое существо, но также и въ томъ, что его можно умило-стивлять жертвами! А между тѣмъ я увѣренъ, что жертвенные плоды подхвачены какой-нибудь прожорливой обезьяной.

Какъ ни былъ перепуганъ бѣдный Іоганъ, но эта невинная догадка все-таки возмутила его человѣческое достоинство.

— Почему же, г. профессоръ, непременно обезьяна, да еще и прожорливая, — обиженно возразилъ онъ. — Почему же этого не могъ сдѣлать просто проголодавшійся, но совершенно приличный человѣкъ, и даже, можетъ быть, европеецъ.

— Да, да, дядя, вотъ видишь, какъ иной разъ могутъ быть ошибочны научныя догадки, — шутливо замѣтилъ Ганцъ.

Вѣдь этотъ свирѣпый богъ, принявшій вчерашнее тревожа-приношеніе, есть никто другой, какъ нашъ Іоганъ!

— Іоганъ, — въ одинъ голосъ воскликнули Бруно и Курцъ съ замѣтнымъ испугомъ.

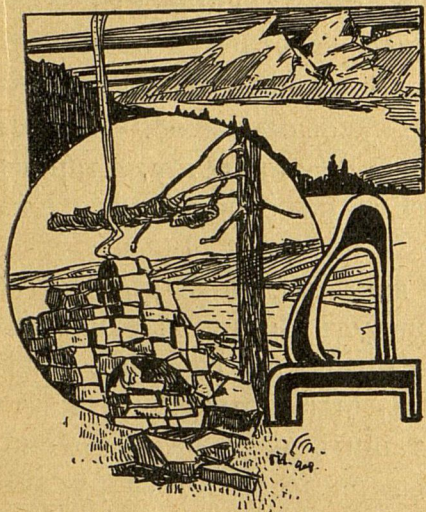
— Ради Бога, ни слова объ этомъ, — продолжалъ ученый. Ахъ, съ этимъ малымъ положительно недалеко до бѣды! Ну, можно ли, милѣйшій, въ нашемъ положеніи такъ, очертя голову, бросаться на все съѣстное!

Первый разъ въ жизни Іоганъ терпѣливо сносилъ упреки своего патрона, не возражая ему ни единымъ словомъ, чѣмъ тотъ и не преминулъ воспользоваться, чтобы произнести глубокомысленное нравоученіе.

Однако все случившееся не остановило общаго, привычнаго хода повседневныхъ занятій. Скоро всѣ снова вернулись въ пещеру; завтракъ былъ быстро оконченъ и случайные обитатели этой пещеры, мало-помалу начали покидать ее, унося съ собою собранные наканунѣ запасы плодовъ.

Позже другихъ покинули свое временное убѣжище наши друзья вмѣстѣ съ семействомъ своего хозяина. Солнце уже взошло надъ землею, хотя еще и не показывалось изъ-за цѣпи горныхъ вершинъ, когда маленькій караванъ ихъ, нагруженный обильными припасами, двинулся, наконецъ, въ обратный путь, углубившись въ прохладную сѣнь дѣвственнаго лѣса.

ГЛАВА VIII.

Семейное горе туземцевъ и
семейное счастье европей-
цевъ.

орогой дядя Карлъ не переста-
валъ вести оживленную бесѣду
со старикомъ, стараясь вывѣдать
отъ него религіозныя вѣрованія
мѣстныхъ жителей, такъ какъ знаніе ихъ, по его мнѣнію,
могло избавить европейцевъ, можетъ быть, отъ очень круп-
ныхъ недоразумѣній.

— Хорошо,—говорилъ онъ, я понимаю то, что ты мнѣ
сказалъ. Ураганъ очень силенъ, онъ бываетъ сердить на
людей и на животныхъ...

— Да, и на лѣсъ, и на воду и на траву, — добавилъ
старикъ, — ты же можешь сердиться на камень, когда онъ
помѣшаетъ твоей ногѣ сдѣлать вѣрный шагъ.

Это сравненіе нѣсколько озадачило дядю Карла, однако
онъ нашелъ лучшимъ согласиться.

— Да, да, на такой камень буду сердиться и я и ура-
ганъ; но если онъ сердится на одного человѣка, то зачѣмъ
же разрушаетъ жилища другихъ!

— А когда ты ударишь ногою муравья, который уку-
силъ тебя, развѣ ты не убьешь другихъ!

— Вѣрно, вѣрно, — снова согласился Курцъ, — но если ураганъ сердитъ на одного человѣка или на одного звѣря, такъ людямъ лучше самимъ убить этого звѣря или этого человѣка, потому что тогда ураганъ не станетъ вмѣстѣ съ ними убивать другихъ.

Услышавъ это удивительное умозаключеніе, которое въ послѣдствіи такъ дорого обошлось человѣчеству, старикъ съ большимъ удивленіемъ поглядѣлъ на европейскаго ученаго.

— Боже мой, да что же это вашъ дядюшка съ ума сошелъ что-ли, — въ ужасѣ воскликнулъ Іоганъ, шедшій не-подалеку съ Бруно и Ганцемъ, — можно ли говорить такія вещи дикарямъ, которые, можетъ быть, только и ждутъ благовиднаго предлога, чтобы потащить насъ на какое-нибудь закланіе! Ради Бога, Ганцъ, дернете вы его за рукавъ.

— Мой милый Іоганъ, — серьезно отвѣчалъ тотъ, — развѣ вы не видите, что дядя носить теперь безрукавку.

— Ахъ, Ганцъ, Ганцъ, неужели же вы можете еще шутить, находясь въ такихъ обстоятельствахъ!

— Успокойтесь, милый Іоганъ, посмотримъ сперва, что отвѣтитъ доисторическій мудрецъ — мудрецу нашихъ временъ. Я увѣренъ, что страхъ вашъ совершенно напрасенъ.

Дѣйствительно, подумавъ съ минуту, старикъ, повидимому, нашель, наконецъ, возраженіе.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — ураганъ силенъ и самъ можетъ убить того звѣря, на котораго онъ сердитъ, помощь людей ему для этого ненужна. Если же онъ идетъ не на звѣря, а на человѣка, то всѣ мы должны помогать человѣку, а не урагану, потому что тотъ, кто можетъ убить одного человѣка, можетъ убить и другого, значитъ онъ врагъ всѣхъ людей, такой же какъ и тигръ.

— Но какъ же вы можете помочь человѣку, когда его врагомъ будетъ страшный ураганъ,—возразилъ ученый.

— Такъ,—увѣренно отвѣчалъ старикъ,—какъ это сдѣлалъ сегодня ночью я и такъ, какъ это сдѣлала вчера вотъ та маленькая дѣвочка.

— Да, да,—вмѣшался въ разговоръ и хозяинъ нашихъ друзей,—всѣ мы живы сегодня потому, что ты и моя дочь сдѣлали вчера все, что нужно было сдѣлать.

— Ну что, дядя, кажется тебѣ и на этотъ разъ не удалось просвѣтить своихъ слушателей,—весело сказалъ Бруно,—а я именно этого и ожидалъ отъ нихъ, такъ какъ увѣренъ, что народъ этотъ не испорченъ еще никакими вредными предразсудками.

— Пожалуй, что ты и правъ, чему я впрочемъ очень радъ, такъ какъ при такихъ условіяхъ намъ менѣе опасно предаваться нашимъ научнымъ изслѣдованіямъ среди мѣстнаго населенія, которыя я рассчитываю повести теперь возможно шире.

— Ну, господа,—вмѣшался Ганцъ,—я такъ же, какъ и вы, до глубины души тронутъ добродѣтелями этого народа, но правду вамъ сказать, довольно ощутительно скучаю о своемъ гардеробѣ, о порядочной постели, да къ чему ужъ лукавить, скучаю я, если сказать правду, и о стряпнѣ нашего милаго Іогана, и если бы все это имѣлось у насъ въ наличности, то я, пожалуй, готовъ былъ бы оставаться здѣсь сколько вамъ угодно, но согласитесь сами, что наши лиственныя одежды, воздушныя жилища и очень легкая пища оставляютъ желать еще очень многого!

— Ахъ, дорогой Ганцъ, гдѣ вы выучились такъ вѣрно схватывать самую сущность дѣла, — восторженно воскликнулъ Іоганъ.

— Понимаю, что ты этимъ хочешь сказать,—улыбаясь

отвѣчалъ дядя Карлъ, — но не безпокойся, когда ты скажешь мнѣ, что нашъ плотъ готовъ къ отплытію, я ни на одну минуту не задержу нашей экспедиціи.

— Ну, на этотъ разъ пожалуй можетъ случиться именно такъ, какъ вы изволите говорить, — почти увѣренно замѣтилъ Іоганъ, съ грустной улыбкой оглядывая своихъ товарищей, едва прикрытыхъ листьями, — укладываться намъ долго не придется, и забыть здѣсь что-нибудь, вѣроятно, тоже не удастся.

— Ахъ, Іоганъ, Іоганъ, да вы оставили бы ваши колкости, хотя бы по случаю того, что всѣ наши страхи по поводу суевѣрій этого народа, оказались совершенно напрасными, — укоризненно замѣтилъ Бруно.

— Ну, это открытіе доказываетъ только то, что наша „археологія“, попросту говоря, ошиблась, — мрачно возразилъ Іоганъ, — и правду сказать, мнѣ очень бы хотѣлось знать, — когда именно это случилось: вчера ли, когда эту ватагу считали чуть не людоедами, или сегодня, когда они вдругъ превратились въ невинныхъ барашковъ. Конечно, всякая наука можетъ иной разъ ошибиться, — у меня тоже не всегда выходитъ блюдо въ блюдо, только, правду сказать, я даже и по ошибкѣ не хочу очутиться въ желудкѣ допотопнаго человѣка.

— Любезнѣйшій Іоганъ, — началъ было дядя Карлъ, съ видомъ необычайнаго достоинства, но такъ какъ такое „любезное“ начало не предвѣщало ничего добраго, то братья всѣми силами постарались перевести разговоръ на другой предметъ, что имъ и удалось послѣ нѣкотораго усилія.

Погрузившись въ планы касательно постройки плота и въ проекты предстоящей близкой переправы, наши друзья и не замѣтили, какъ прошли свой недлинный путь и очу-

тились, наконецъ, на той самой прогалинѣ, гдѣ стояла, или лучше сказать, висѣла хижина ихъ привѣтливыхъ хозяевъ.

Но увы, напрасно всматривались они со всевозможнымъ вниманіемъ въ листву огромнаго дерева, которое попрежнему возвышалось въ центрѣ поляны,—воздушнаго жилища нигдѣ не было видно, оно исчезло безъ слѣда, а если бы европейцы и сомнѣвались еще въ этомъ, то тяжелые вздохи ихъ старшихъ спутниковъ и слезы на глазенкахъ дѣтей не долго бы оставляли ихъ въ заблужденіи. Молча, понутивъ головы, глядѣло это семейство на то мѣсто, гдѣ нѣкогда было ихъ жилище, въ безмолвіи переноса горе, выпавшее на ихъ долю.

Тяжело было и нашимъ друзьямъ смотрѣть на эту печальную картину.

— Ахъ, господа,—говорилъ Бруно, обладавшій особенно мягкимъ сердцемъ, — подумайте, вѣдь какъ ни проста была эта хижина, а вѣдь навѣрное у каждаго изъ этихъ ребятшекъ былъ въ ней свой любимый, уютный уголокъ, который потерянь теперь для нихъ навсегда; да и старшимъ, судя по ихъ убитому виду, будетъ стоять, вѣроятно, немалыхъ трудовъ возобновленіе этого нехитраго сооруженія. Неужели же мы не поможемъ этимъ добрымъ людямъ, которые успѣли уже такъ много сдѣлать для насъ самихъ.

— Дорогой мой Бруно,—спокойно отвѣчалъ Ганцъ,—если бы мы и не захотѣли помочь имъ просто ради добраго чувства, то должны были бы сдѣлать это изъ прямого расчета, потому что пока не будетъ у нихъ жилища, они, конечно, не станутъ помогать намъ въ постройкѣ нашего плота, а безъ ихъ помощи, я боюсь, работа наша будетъ итти черепашимъ шагомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ Дуся и Таля жили у моря.

(Продолженіе).

— Они совсѣмъ не говорятъ по-русски; но,—объяснила ей М-ме Файо,—тебѣ совершенно нечего стѣсняться. Говори, какъ умѣешь, вѣдь если бы ихъ заставить говорить на твоёмъ языкѣ, они бы совсѣмъ ничего не могли сказать. Въ Россіи больше изучаютъ иностранные языки, чѣмъ у насъ; и вотъ видишь, какое у тебя преимущество: ты-то съ ними можешь говорить, и поймешь ихъ, а они здѣсь были бы совсѣмъ потерянными!

Талю и Дусю ужасно забавляла мысль, что во Франціи всѣ, всѣ говорятъ по-французски: — и извозчики, и полотеры?—приставали онѣ къ М-ме Файо.

— Ну, конечно, это же ихъ родной языкъ.

— Родной-то, родной, но все-таки, какъ-то представить себѣ извозчика, говорящимъ по-французски, казалось смѣшнымъ.

Въ разговорахъ о Бретани и въ приготовленіяхъ къ отъѣзду время пролетало незамѣтно, и, наконецъ, наступилъ долго жданный день.

Бѣжали папа, М-ме Файо, дядя Сережа и дѣвочки съ Белиндой. У нихъ было взято два отдѣленія въ вагонѣ рядомъ; въ одномъ помѣщались папа и дядя Сережа, въ другомъ—М-ме Файо и дѣвочки. Въ каждомъ отдѣленіи былъ диванъ, маленькій столикъ у окна и складной стулъ, а на ночь поднималась верхняя койка, задергивалась сѣточка, и устраивалась уютная кровать наверху, изъ которой, благодаря сѣточкѣ, вывалиться было нельзя. На ночь клали туда простыни и подушки, и можно было совсѣмъ раздѣваться,

какъ дома; М-те Файо спала на нижнемъ диванѣ, такъ какъ она была старенькая, и ей трудно было бы взобраться наверхъ, а Талѣ и Дусѣ очень даже было весело взлѣзать по лѣсенкѣ на свою койку; оттуда онѣ свѣшивали головы внизъ и переглядывались съ М-те Файо въ большое зеркало, вѣланное въ стѣнкѣ напротивъ. Укладывались онѣ „какъ сардинки въ коробкѣ“, по сравненію Дуси: головами въ разныя стороны, и на ночь долго возились, шалили и хохотали, такъ что даже папа сталъ стучать имъ въ стѣнку и шутя грозилъ пожаловаться кондуктору.

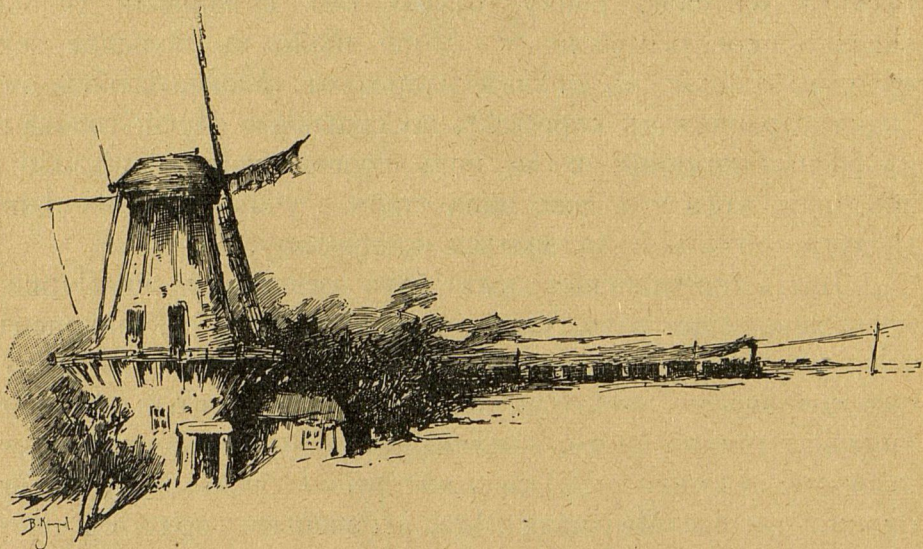
Ѣхать приходилось имъ безъ остановки до Парижа ночь, день, еще ночь, еще день, еще ночь, и, наконецъ, рано утромъ пріѣхать въ Парижъ. Но этого долгаго пути онѣ совсѣмъ не замѣтили. У нихъ были взяты съ собой книжки, домино, лото, вышиванье; но онѣ почти ничѣмъ этимъ не пользовались, такъ интересно было смотрѣть въ окошки вагона. Мелькали лѣса, деревеньки, поля съ пасущимися на нихъ коровами и овцами, нивы съ синѣющими во ржи васильками; вокзалы съ толпою народа; переѣхали первую границу—нѣмецкую—и вдругъ все стало уже какое-то новое, чужое, кондукторъ былъ толстый, румяный нѣмецъ, всѣ говорили по-нѣмецки, въ окна виднѣлись не бѣдныя, сѣренькія, покосившіяся избенки, а низенькіе красные домики, аккуратные сады, точно подстриженные деревья, на станціяхъ не бѣжали за вагономъ оборванные, худые дѣтишки или старухи и не просили копеечки, а ходили чисто одѣтые люди съ здоровыми и спокойными лицами.

— Отчего здѣсь все наряднѣе и чище чѣмъ у насъ? — спросила Таля.

Папа вздохнулъ, а дядя Сережа сказалъ:

— Погоди, и у насъ будетъ чисто и хорошо. Когда нашъ народъ будутъ учить, когда всѣ будутъ грамотны,

когда, впрочемъ, вырастешь,—узнаешь. Охъ, какъ дѣвочки не любили этихъ словъ и какъ часто онѣ ихъ слышали! Но тутъ онѣ не успѣли надуться на дядю Сережу, потому

что ихъ вниманіе отвлекли большія вѣтряныя мельницы, махавшія крыльями, мимо которыхъ онѣ ѣхали. Съ ними въ вагонѣ (это былъ ресторанъ-вагонъ, гдѣ всѣ сидѣли за маленькими столиками и обѣдали) ѣхалъ маленькій бѣловолосый нѣмчикъ лѣтъ 6-ти. Онъ тоже залюбовался мельницами и сказалъ своей матери, указывая на нихъ пальчикомъ:

— Mama! Sieh, welche grosse Kaffee-Mühlen! *)

— Посмотри, нѣмчикъ, вѣрно, такъ часто видѣлъ, какъ его мать мелетъ кофе, что не можетъ себѣ представить другихъ мельницъ, кромѣ кофейныхъ! — сказала Дуся Талѣ, и обѣ весело разсмѣялись.

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ? — спросила у хоро-

*) Мама, посмотри какія большія кофейныя мельницы!

шенькаго нѣмчика М-ме Файо, когда онъ проходилъ мимо ихъ столика.

Мальчикъ съ великимъ интересомъ посмотрѣлъ на пакетики съ нѣмецкими пряниками, который папа взялъ для дѣвочекъ на станціи и отвѣтилъ, засунувъ въ ротъ пальчикъ:

— Пумперникель! *)

Дѣвочки страшно развеселились, и прозвище „Пумперникель“ такъ и осталось за нѣмчикомъ, котораго на самомъ дѣлѣ звали Фрицъ. Онѣ угостили его пряникомъ и свели съ нимъ дружбу, умудрились даже затѣять какую-то игру.

Проѣхали онѣ тѣмъ временемъ Кельнъ, увидѣли стоящій совсѣмъ близко знаменитый Кельнскій соборъ, громадный и красивый, точно кружевной, переѣхали рѣку Рейнъ. Время шло незамѣтно, наконецъ кончился второй день, онѣ сладко заснули, а на утро ихъ разбудила М-ме Файо, говоря:

— Дѣвочки, дѣвочки! Черезъ часъ мы въ Парижѣ!

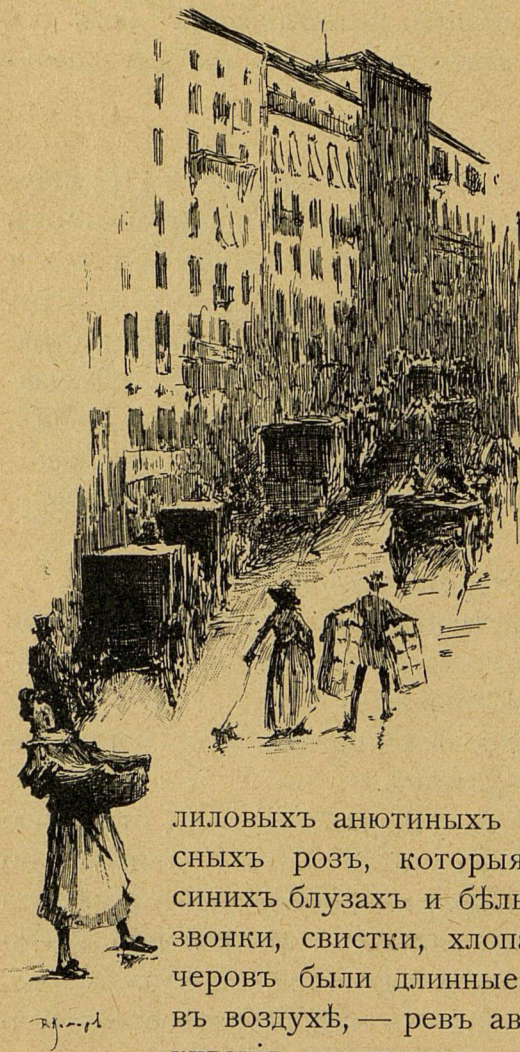
Онѣ едва успѣли вымыться, одѣться, и собрать свои вещи, какъ поѣздъ подкатилъ къ большому мрачному вокзалу, и онѣ очутились въ Парижѣ.

М-ме Файо была страшно взволнована, и не могла ничего сообразить, охала и суежилась.

Папа распорядился всѣмъ, усадилъ всѣхъ въ открытую коляску, и дѣвочки покатали по шумнымъ улицамъ, по оживленнымъ бульварамъ Парижа. По сравненію даже съ Петербургомъ имъ показалось, что въ городѣ вѣрно что-то случилось, такъ всѣ спѣшатъ и торопятся, но папа сказалъ имъ, что это всегда здѣсь такъ,—и онѣ съ интересомъ гля-

*) Пумперникель — называются нѣмецкіе пряники особаго рода, вродѣ медовыхъ коврижекъ.

дѣли на улицы. Мимо нихъ летѣли автомобили съ рѣзкимъ шумомъ и звуками рога; паровыя каретки; велосипеды, простые и двойные; иногда на велосипедѣ—въ два мѣста—сидѣли

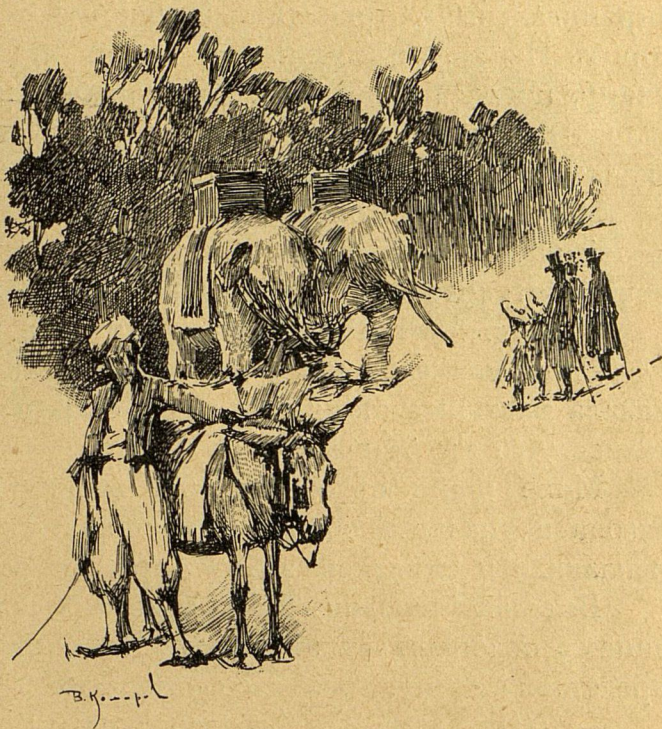
господинъ и дама, а сзади къ велосипеду привязана была дѣтская колясочка, въ которой важно развѣлясь возсѣдалъ розовый бебе; проѣзжали электрическіе трамваи, омнибусы, которые тащили огромныя лошади „першероны“; изящныя коляски съ нарядными дамами; огромныя бочки, поливающія раскаленный уже отъ майскаго солнца асфальтъ мостовой, и, наконецъ, множество ручныхъ повозокъ, нагруженныхъ или овощами, или фруктами, или прелестными цвѣтами—громадными пучками розовой гвоздики,

лиловыхъ анютиныхъ глазокъ, желтыхъ и красныхъ розъ, которыя продавали женщины въ синихъ блузахъ и бѣлыхъ чепчикахъ. Слышались звонки, свистки, хлопанье бичей—у всѣхъ кучеровъ были длинныя бичи, громко щелкающіе въ воздухъ,—ревъ автомобилей, окрики, выкрикиванія газетчиковъ и продавщицъ цвѣтовъ и фруктовъ. На стѣнахъ и заборахъ пестрѣли ярко раскрашенныя афиши, точно громадныя картины, такія интересныя, что

засмотрѣться можно было, а въ окнахъ магазиновъ выставки такъ и манили взглядъ. Пахло цвѣтами, асфальтомъ, ивѣтушимъ каштанами, деревья которыхъ стояли, какъ невѣсты, убранныя розовымъ и бѣлымъ цвѣтомъ; и на каждомъ шагу попадались скверы, гдѣ среди яркихъ, роскошныхъ клумбъ били фонтаны.

У дѣвочекъ глаза разбѣгались. Онѣ пріѣхали, наконецъ, въ гостиницу, и едва вымывшись съ дороги и переодѣвшись, едва успѣвъ позавтракать, онѣ пристали къ папѣ, чтобы онъ показалъ имъ Парижъ.

За три дня онѣ осмотрѣли много интереснаго: взбирались по подъемной машинѣ на знаменитую Эйфелеву башню, съ которой виденъ весь Парижъ, и люди внизу кажутся муравьями, такая это вышина. Видѣли гробницу Наполеона, видѣли зоологическій садъ и ботаническій, и тамъ катались на слонахъ и на страу-

сахъ, и въ крохотной коночкѣ, запряженной двумя пони. Словомъ, столько перевидали, и обо всемъ папа и дядя Сережа имъ рассказывали такъ много занимательнаго, что

имъ казалось будто онѣ читають увлекательную книгу, отъ которой трудно оторваться. Но оторваться пришлось, тѣмъ болѣе, что М-те Файо даже Парижъ не прельщаль, такъ ей хотѣлось скорѣе къ своимъ,—и вотъ, дѣвочки опять очутились въ вагонѣ, на этотъ разъ не надолго, имъ предстояло ѣхать всего съ 10-ти часовъ утра до 5-ти часовъ вечера.

Дорога опять прошла незамѣтно, потому что представлявшіяся въ окно картины были одна красивѣе другой: чудныя виллы, рощи и сады въ цвѣту, веселые городки, дивная красавица, тихая рѣка Луара, обсаженная стройными пирамидальными тополями, старинныя замки на холмахъ; городъ Нантъ, гдѣ желѣзная дорога проходитъ прямо по улицѣ, посреди города; гавани, корабли, и, наконецъ, показалось ослѣпительно синее море и поѣздъ вскорѣ остановился у маленькой станціи Пулигенъ.

М-те Файо стояла у окна, жадно вглядываясь въ толпу людей на вокзалѣ, пока поѣздъ подходилъ, онъ еще не совсѣмъ остановился, когда она вскрикнула:

— Вотъ она! Вотъ она!—и замахала платкомъ.

Дѣти увидѣли, какъ на вокзалѣ ей въ отвѣтъ также махала платкомъ сѣдая, красивая старушка, и сразу догадались, что это М-те Луиза.

М-те Файо съ юношеской живостью выскочила изъ вагона и упала въ объятія старушки; онѣ обѣ одновременно и плакали и смѣялись, забывъ про все остальное.

Высокій господинъ въ соломенной шляпѣ, съ пріятнымъ лицомъ подошелъ въ это время къ Николаю Петровичу и представился ему, говоря со смѣхомъ:

— Наши дамы до того взволнованы, что намъ ужъ надо самимъ познакомиться!

Это былъ зять М-те Луизы, г-нъ Бернаръ.

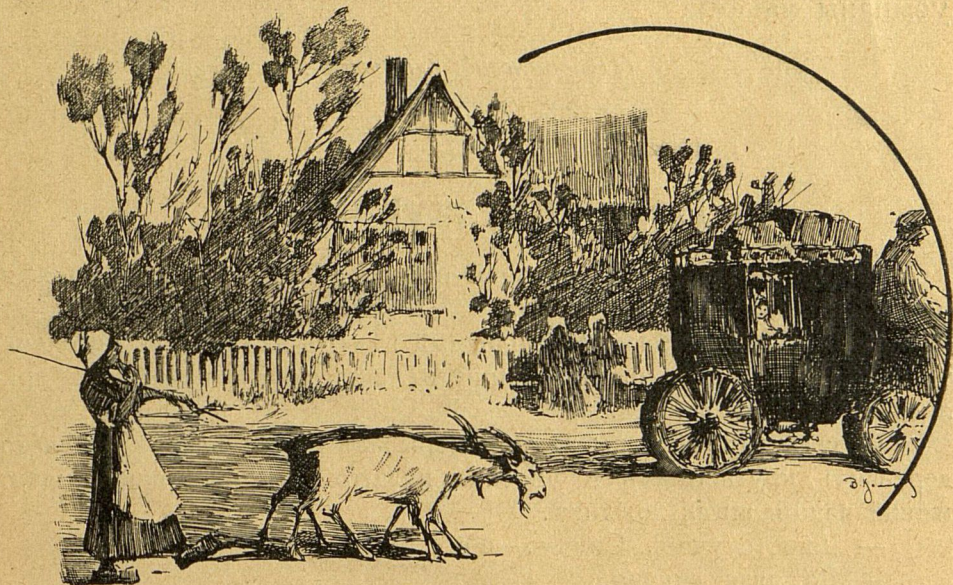
М-те Файо въ это время выпустила сестру изъ своихъ

объятіи и, словно устыдившись, что забыла Талю и Дусю, подтолкнула ихъ къ ней, говоря:

— А вотъ и мои дѣвочки!

— Oh, *quelles charmantes mignonnes!* *) — ласково вскричала старушка и расцѣловала ихъ.

— Васъ ждуть, ждуть съ нетерпѣніемъ!

Всѣ наконецъ перезнакомились, г-нъ Бернаръ, оказалось, приготовилъ большой омнибусъ, куда всѣ усѣлись и поѣхали.

Дорога вела мимо изящныхъ дачъ и веселыхъ лавочекъ, потомъ мимо деревни съ выбѣленными известью домиками, съ полисадниками, полными красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ, мимо старинной церкви съ колокольней. Старухи въ бѣлыхъ кружевныхъ чепцахъ, сидя, дремали на завалинкахъ; маленькая пастушка въ деревянныхъ башмакахъ, съ длинной

*) Какія прелестныя крошки!

хворостиной въ одной рукѣ и тартинкой съ вареньемъ въ другой—гнала козъ. Дорога была ровная, бѣлая, обсаженная густой изгородью изъ шелковицы. Ягоды еще не поспѣли и свѣшивались красными гроздьями, точно кораллы. Мелькали прячущіяся въ зелени фермы съ черепичными крышами, поля, похожія на красные ковры, такъ они были усыпаны маками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вереница журавлей.

Почувствовалось приближеніе осени; стали перепадать дожди; часто окутывали землю туманы.

По слякоти и грязи, въ холодный вѣтеръ дѣтишкамъ не очень-то нравилось бѣгать по саду, парку и лѣсу; со дня на день собирались съ дачи въ городъ.

Стоялъ хмурый день; вѣтромъ срывало пожелтѣвшія листья съ деревьевъ, крутило ихъ и уносило куда-то въ поле; накрапывалъ мелкій надоѣдливый дождикъ.

— Дядя, скучно!.. Скучно—о-о...

— Да, дядя, скучно...

Я не зналъ, чѣмъ занять дѣтей.

— Ну, давайте рисовать?—предложилъ я.

— Вчера рисовали, позавчера рисовали, — и сегодня рисовать... Скучно!..

— Ну, поиграемъ въ домино?

— Надоѣло домино, надоѣло.

Я совсѣмъ растерялся.

Что же еще предложить ребятишкамъ?

— Дядя, давайте считать!—сказалъ старшій, одиннадцатилѣтній Костя.

— А что считать? — переспросили другія дѣти, замѣтно оживившись.

Третьяковская галлерей въ Москвѣ.

Порожнякомъ.

Карт. Сверчкова.

— Что-нибудь большое, большое, чтобы безъ конца было...

— Да я больше ста плохо считаю.

— А я могу до тысячи, больше тысячи... Я — я могу до миллиона!..

— Ишь, ты!

Случайно выглянувъ въ окно, я увидѣлъ въ небѣ темную живую тучу, всю изъ черныхъ одинаковыхъ точекъ, то летѣли на югъ, въ теплыя страны — журавли.

Я открылъ форточку, въ воздухѣ слышалось курлыканье птицъ, не то „грю-грю-грю“, не то „крюо-крюо...“

— Посмотрите, дѣти, какая вереница.

— Журавли, это журавли, дядя?

— Да, журавли.

— А много, много ихъ?

— Сосчитай.

— Развѣ можно?

— А ты попробуй.

Костя тряхнулъ головой, словно сказалъ: „хорошо; ужъ я со-считаю“ и пошелъ въ мою комнату.

— Костя, ты зачѣмъ туда?

Костя молчалъ.

Дѣти шушукались и смѣялись.

— Да, сосчитаешь, какъ разъ? Тутъ можетъ быть, журавлей больше сорока будетъ.

— Какой смѣшной Петька, — для тебя больше сорока и чисель нѣтъ!

Костя вернулся изъ моей комнаты съ биноклемъ.

— А вотъ и буду считать,—сказалъ онъ, вглядываясь въ вереницу,—ты, дядя, записывай.

— Хорошо, считай.

Я взялъ карандашъ и бумагу.

— Впереди, дядя, одинъ. Я ясно вижу, въ головѣ летитъ одинъ журавль; потомъ два... Послѣ три; правда, три. Теперь, кажется, четыре; пять... какъ же считать-то, дядя, ихъ все больше и больше и все на одну птицу.

— Попробуй-ка сосчитать, сколько сзади.

Костя углубился въ счетъ; ребята—все уставились на вереницу журавлей, уже совсѣмъ скрывавшуюся вдали.

— Ну, сколько?

— Я насчиталъ сто четырнадцать, а ужъ больше не вижу,—ту-манить въ глазахъ.

Костя отложилъ въ сторону бинокль и сталъ вытирать платкомъ слезящіеся глаза.

— Только ихъ гораздо больше...

— Значить, сто четырнадцать?—спросилъ я.

— Нѣтъ, дядя, больше. Ну, пусть, сзади сто четырнадцать, а все-таки больше...

— Да, почему?

— Какъ же иначе? Впереди одинъ, потомъ два, три, четыре, пять, а сзади сто четырнадцать... Всего, значить...

Костя наморщилъ лобъ и началъ складывать въ умѣ.

— Нѣтъ, такъ не выходитъ. Я лучше запишу.

Вотъ запись Кости:

1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 + 9 + 10 + 11 + 12 + 13 + 14 + 15 +
+ 16 + 17 + 18 + 19 + 20 + 21 + 22 + 23 + 24 + 25 + 26 + 27 + 28 +
+ 29 + 30 + 31 + 32 + 33 + 34 + 35 + 36 + 37 + 38 + 39 + 40 + 41 +
+ 42 + 43 + 44 + 45 + 46 + 47 + 48 + 49 + 50 + 51 + 52 + 53 + 54 +
+ 55 + 56 + 57 + 58 + 59 + 60 + 61 + 62 + 63 + 64 + 65 + 66 + 67 +
+ 68 + 69 + 70 + 71 + 72 + 73 + 74 + 75 + 76 + 77 + 78 + 79 + 80 +
+ 81 + 82 + 83 + 84 + 85 + 86 + 87 + 88 + 89 + 90 + 91 + 92 + 93 +
+ 94 + 95 + 96 + 97 + 98 + 99 + 100 + 101 + 102 + 103 + 104 + 105 +
+ 106 + 107 + 108 + 109 + 110 + 111 + 112 + 113 + 114.

Здѣсь Костя поставилъ знакъ = и задумался.

— Одинъ да два будетъ три; три да три—шесть; шесть да четыре—десять...

— А хочешь, Костя, я скажу тебѣ, сколько у тебя должно получиться?

— Да какъ же вы, дядя, это сдѣлаете? Ну, хорошо, скажите, — только, все равно, я и самъ сложу.

На бумагѣ появилась цифра

11555.

— И это вѣрно? — спросилъ Костя. Вы не на вѣтеръ написали это?

— Должно быть вѣрно.

Костя углубился въ вычисленія, остальные дѣти занялись рисованіемъ.

Прошло, должно быть, неменѣе часу.

— Я сосчиталъ! — послышался торжествующій голосъ Кости.

— Сколько?

— Одиннадцать тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ пять.

— То же самое, что написалъ я.

— Да, дядя! Только какъ это вы узнали?

— Очень просто... Да, вѣдь, тебѣ скучно будетъ слушать?

— Ахъ, нѣтъ, дядя. Это такъ интересно.

— Ну, вотъ смотри...

Я взялъ листъ графленной бумаги у Пети и начертилъ фигуру, изображенную здѣсь.

— То число, которое ты, Костя, искалъ, называется *треугольнымъ числомъ*. Давай вмѣсто журавлей рисовать клѣточки: впереди у насъ одинъ журавль, на второй линіи журавлей два, на третьей линіи уже три птицы и такъ далѣе до конца вереницы или ея хвоста. Общее расположеніе летящей колонны совершенно похоже на треугольникъ.

— Да, на рисунокѣ, дядя, не видно этого треугольника—вдругъ перебилъ меня Костя.

— Посмотри внимательнѣе. Выдѣли изъ фигуры, до жирной черной лѣстницы, часть обозначенную буквою *А*. Въ ея вершинѣ одна клѣточка, на второй линіи двѣ клѣточки, потомъ три, четыре, пять, шесть, семь клѣточекъ на слѣдующихъ линіяхъ до седьмой включительно. Какое же здѣсь будетъ первое треугольное число?

— Единица, что въ головѣ.

— Второе треугольное число?

— Единица да два во второй линіи, всего три, дядя. Какое же седьмое треугольное число?

— Я сейчасъ узнаю,—сказалъ Костя и написалъ на бумагѣ

$$1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7.$$

— Седьмое треугольное число будетъ 28!

— Ну, а если я скажу тебѣ: узнай не седьмое треугольное число, Костя а сотое, сто пятое, трехсотое?

— Надо сложить всѣ числа, начиная съ перваго...

— Очень длинно да, пожалуй и скучно, — вѣдь, ты подумай, сколько времени ушло у тебя на вереницу журавлей.

— А развѣ можно узнать какъ-нибудь легче?

— Можно. Вотъ, взгляни-ка на часть фигуры, обозначенную буквою *В*; если смотрѣть на нее снизу вверхъ или повернуть ее сверху внизъ,—въ головѣ ея будетъ одна клѣточка, на второй линіи двѣ и такъ далѣе. Сколько же клѣточекъ въ части *В*?

— Столько же, сколько въ части *А*.

— Значитъ, часть *В* по числу своихъ клѣточекъ представляетъ то же самое треугольное число. Поэтому цѣлая фигура составлена изъ искомаго треугольнаго числа, взятаго два раза. Посчитаемъ число

клѣточекъ во всей фигурѣ: въ ней семь линій, а въ каждой линіи по восемь клѣточекъ, итакъ общее число клѣточекъ будетъ

$$7 \times 8.$$

— Это будетъ...

— Подожди. А наше число...

— Составляетъ половину числа клѣтокъ, то-есть,
28.

— Хорошо; вотъ, я и напишу:

$$1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 = (7 \times 8) : 2 = 28.$$

Костя посмотрѣлъ на бумагу, поглядѣлъ на меня, прищурился и вдругъ, вскочивъ со стула, захлопалъ въ ладоши.

— А я знаю, а я знаю!

Младшіе бросили свое рисованіе и подбѣжали къ намъ.

— Что ты знаешь?

— Дядя—хитрый, хи-и-итрый!.. Только я его перехитрю... Значить, ты вмѣсто моего длиннаго сложенія чиселъ отъ одного до ста четырнадцати сдѣлалъ такъ:

$$(114 \times 115) : 2$$

Сто четырнадцать помножилъ на слѣдующее число—сто пятнадцать—и что получилось раздѣлилъ на два... Ну-ка я провѣрю

$$\begin{array}{r} 114 \\ \times 115 \\ \hline 570 \\ 114 \\ 114 \\ \hline 2310 \end{array}$$

— А теперь — $2310 : 2 = 1155$.

— Ты здорово вычисляешь, Костя, молодецъ!

Костя потупился.

— Я могу и всякое такое число теперь найти, — сказалъ онъ, помолчавъ. Потому что искать все равно надо одинаково, какъ и число вереницы журавлей.

— Хорошо, сдѣлай-ка еще одну задачку, — отвѣтилъ я и вотъ что написалъ на бумагѣ:

$$1 + 2 + 3 + \dots + 1000.$$

— Ну, Костя, найди-ка послѣднее треугольное число, составленное изъ этихъ чиселъ.

Костя растерялся.

— Такъ здѣсь, дядя, что-то не такъ. Тутъ одинъ, два, три, потомъ какія-то точки, затѣмъ тысяча. Зачѣмъ, дядя, точки?

— Точки замѣняютъ числа отъ четырехъ до девятисотъ девяноста девяти; длинно писать всѣ числа, и потомъ мы все равно знаемъ, какія тамъ должны быть числа.

— Значитъ, дядя, послѣ трехъ идетъ четыре, пять, и такъ далѣе?

— Да.

— А тысяча—послѣднее число?

— Ну, конечно.

Костя просіялъ.

— Тогда—не трудно. Вотъ:

$1 + 2 + 3 + 4 + 5 . . . + 999 + 1000 = (1000 \times 1001) : 2$
треугольное число будетъ... будетъ...

$$\begin{array}{r} 1001 \\ \times 1000 \\ \hline 1001000 \end{array}$$

Теперь надо $1001000 : 2 = 500500$.

— Нашелъ, дядя. Теперь я въ школѣ всѣмъ задамъ, — пусть-ка догадаются... Я имъ покажу эту славную штуку.

— Дядя, дождь уже прошелъ; пойдемте въ садъ,—затормошили меня младшіе.

— Сейчасъ, сейчасъ... А ты, Костя, подумай еще надъ такой задачей: какъ узнать сумму очень многихъ чиселъ, если они другъ отъ друга отличаются только на единицу?

— Многихъ чиселъ?..

— Ну да; хоть миллиона чиселъ.

— И всѣ они будутъ...

— Больше другъ друга на единицу.

— Дядя,—да, вѣдь, это та же самая задача.

— Конечно — подтвердилъ я.

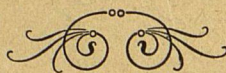
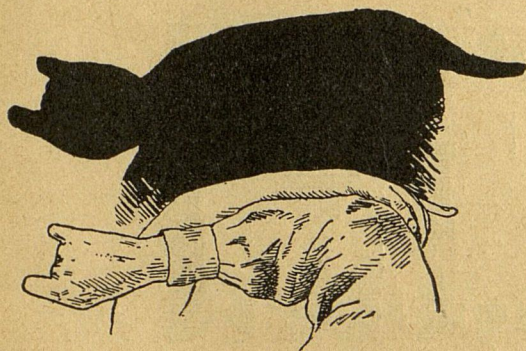
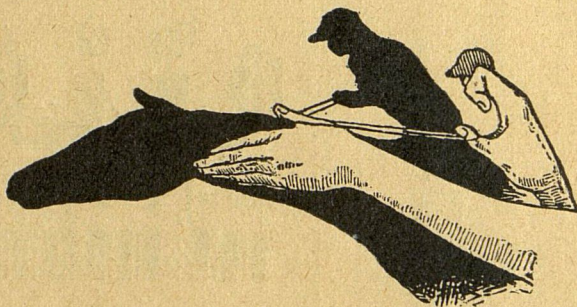
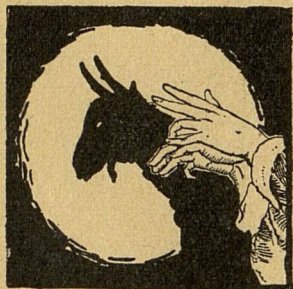
— Въ садъ, дядя, въ садъ!

И мы пошли въ садъ.

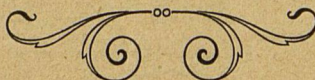
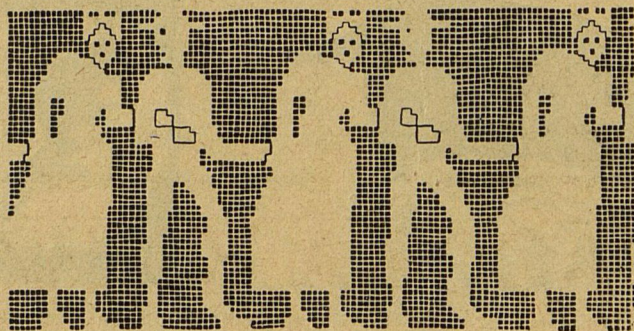
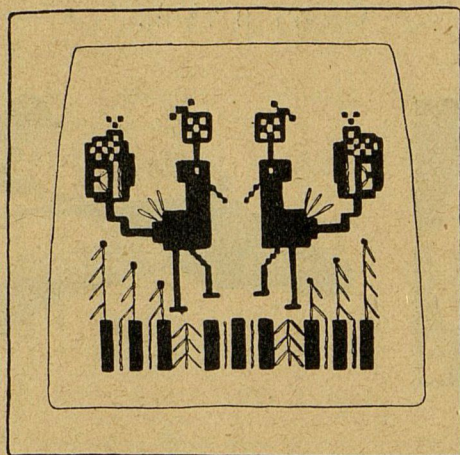
Леонидъ Мищенко.

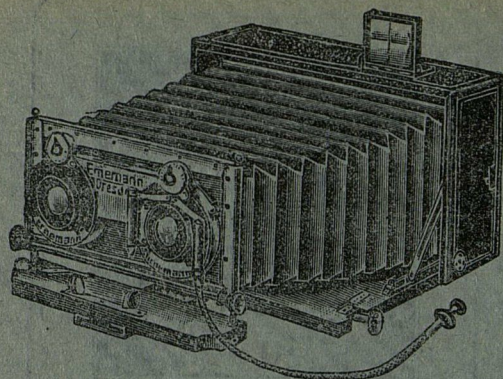
МЕЖДУ ДѢЛОМЪ.

СВѢТЪ И ТѢНИ.

РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ.

СКЛАДЪ
== фотографическихъ
и оптическихъ ==
ПРИБОРОВЪ
Н. П. Павлова.

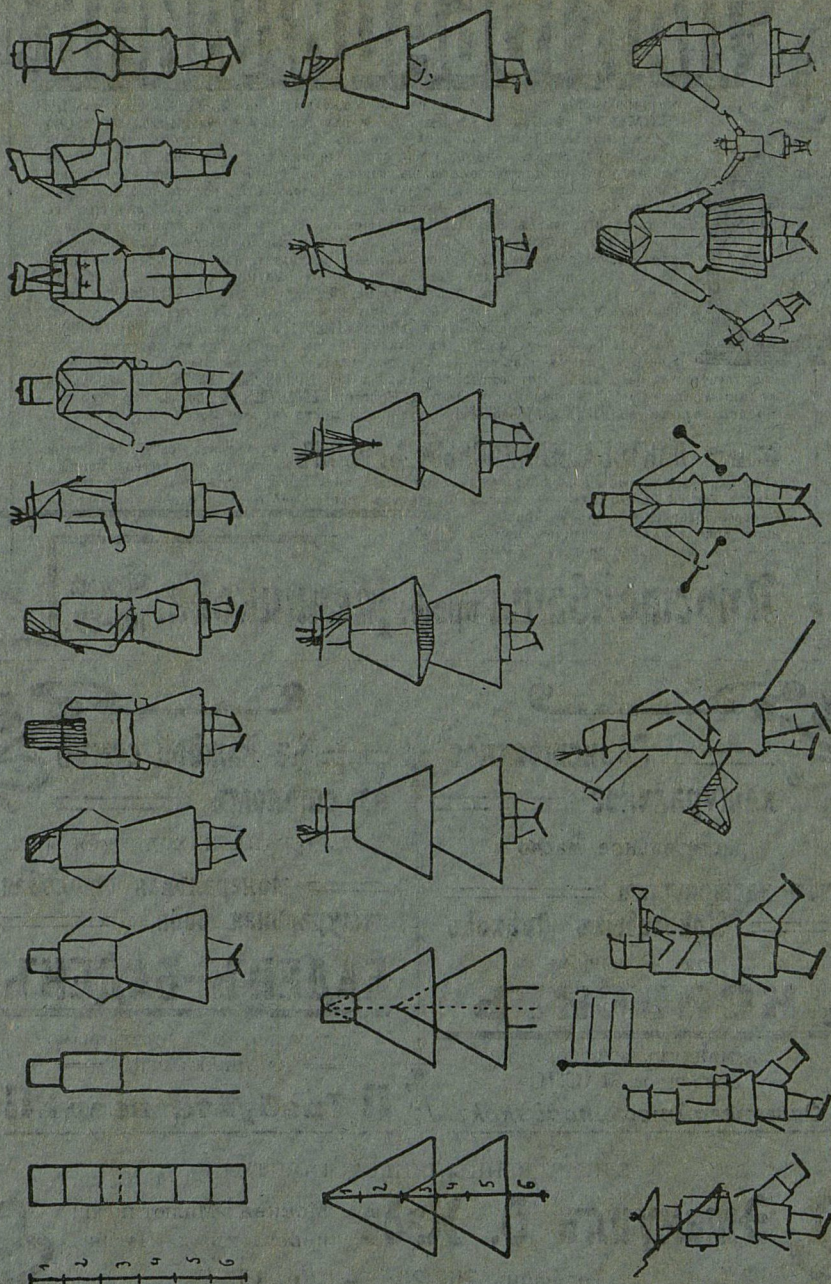
МОСКВА, Тверская, домъ Гиршманъ, близъ Садовой 67. Телефонъ 131-47.

ГРАММОФОНЫ и ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ
== ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. ==
Каталоги по требованію.

Мама! Купите мѣхъ
въ Аптекарскомъ магазинѣ
Провизора
И. Ю. Герштейна,

что у Тверской заставы, въ домѣ Ларионова, подъ № 77,
одну баночку помады для волосъ
„КРИНОЛЬ“,
отъ нея прекрасно растутъ волосы, а также уничтожается
окончательно **перхоть.**

И для Васъ, маменька, эта помада лучше всякихъ дру-
гихъ, а стоитъ только **75 коп. банка.**

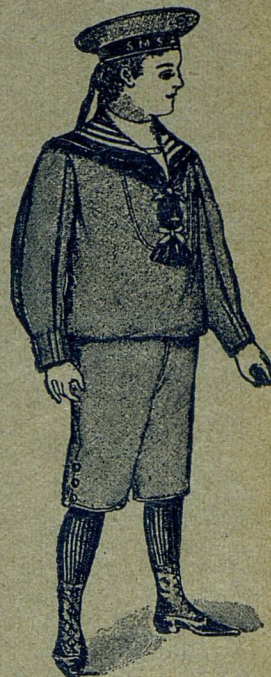
Изъ 5 выпуска „Шнолы рисования 1. Ванъ-Дайка“ (см. 2 стр. объявленій).

ДѢТСКІЯ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МА

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированные прейс-куранты бесплатно.

Продолжается подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазенапа, А. Гречанинова, П. Джунковскаго, Н. Клинскаго, В. Комарова, Проф. Н. Кочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернака, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, Н. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложений.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-03, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.